

История профсоюзного движения в России

Часть 2 (период с 1885 по 1905 гг.)

«Игра с огнём»

Первые законы о труде

Морозовская стачка не прошла даром. В результате беспорядков и стачек в крупных промышленных центрах власть была вынуждена признать, что сфера трудовых отношений требует регулирования государством. Был принят ряд законов:

1885 г. – «Закон о воспреещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам». 1886 г. – «Закон о штрафах», – «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». 1897 г. – «Закон о продолжительности и распределении рабочего времени». 1903 г. – «Закон об учреждении старост в фабричных предприятиях».

Таким образом, власть сделала серьёзный ход, но беда была в том, что поскольку это противоречило интересам буржуазии, новоиспечённые законы фактически не выполнялись, недовольство и стачечное движение продолжало усиливаться по всей стране.

Псевдо-профсоюзы. «Зубатовщина»

Рост рабочего движения и влияние на него социал-демократических идей привлекли внимание полиции, которая решила установить над ним контроль, чтобы отвлечь от политической борьбы.

Если процесс невозможно предотвратить, его нужно возглавить! Идеологом создания легальных псевдо-профсоюзных рабочих организаций выступил начальник Московского охранного отделения полковник С.В. Зубатов.

Рабочие советы поначалу пользовались определённым авторитетом, а их лидеров важно называли «царскими посланцами» и даже «внебрачными сыновьями покойного государя». В 1902 году за успехи в борьбе с рабочим движением Зубатов был переведён в Санкт-Петербург и назначен главой политического сыска. Организации создавались повсеместно. Зубатовцы вели широкую пропаганду, переговоры с работодателями, устраивали лекции и танцевальные вечера. Ленин называл это «заигрыванием, подкупом и развращением», а в целом большевики оценивали зубатовщину как провокаторство.

Ситуация вышла из-под контроля в 1903 г., когда грянула всеобщая стачка на Юге России, и которую пришлось подавлять оружием. Пролилась кровь.

Зубатов был разжалован. Однако правительство предприняло ещё одну неуклюжую попытку взять рабочее движение под контроль, всё дальше ввязываясь в эту взрывоопасную игру!

«Собрание русских рабочих». Поп Гапон

В 1904 г. министр внутренних дел фон Плеве утвердил в Санкт-Петербурге Устав общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», во главе которого был поставлен тайный сотрудник полиции священник Георгий Гапон.

Гапон понимал, что к краху Зубатова привело неумелое вмешательство во взаимоотношения рабочих с предпринимателями, поэтому положения Устава Собрания были сформулированы предельно корректно и лояльно. Особо подчёркивалась культурно-просветительская направленность: борьба с пьянством и азартными играми, оборудование читален, организация музыкальных кружков, лекций, концертов, чаепитий, открытие похоронной кассы, кассы взаимопомощи и т. д.

Поп Гапон и градоначальник С-Петербурга И.А.Фуллон в Собрании русских фабрично-заводских рабочих. 1904 г.

В течение года гапоновские организации были созданы по всей столице. Однако, «шила в мешке не утаишь», - в условиях обострения классовых противоречий и нарастания социальной напряжённости, Собрание уже не могло касаться только культурно-просветительской сферы, и проявились острые вопросы экономического и даже политического характера. Вошедший в образ пророка и вождя, Гапон явно «отбил от рук», и именно тогда возникла роковая идея шествия с петицией к царю.

Путиловская стачка

В декабре 1904 г. на Путиловском заводе, крупнейшем машиностроительном предприятии Санкт-Петербурга, произошёл очередной трудовой конфликт, - были уволены четверо рабочих, которые являлись членами гапоновского Собрания. Это возмутило рабочих, которые выдвинули требования: восстановить уволенных, ликвидировать произвол мастеров, улучшить условия труда, отменить сверхурочные и воскресные работы.

В защиту уволенных выступило и Собрание, причём были направлены три делегации: к директору завода, к фабричному инспектору и к градоначальнику с условием «если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то Собрание не ручается за спокойное течение жизни города». По сути это был вызов, оскорбительный для власти, поэтому переговоры оказались безрезультатными. Забастовка стала неизбежной.

Бастующие рабочие у проходной Путиловского завода

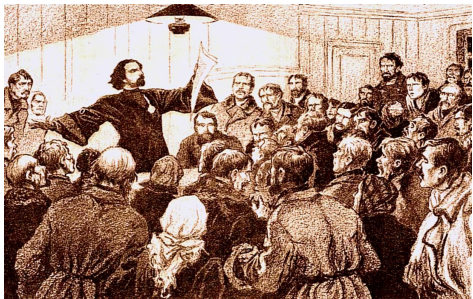
3 января 1905 г. 12 тысяч путиловцев прекратили работу, и завод стал. К стачке присоединились другие петербургские заводы. Бастовали 150 000 рабочих.

В столицу для предотвращения и подавления беспорядков были стянуты войска под командованием великого князя Владимира Александровича.

Обстановка накалилась до предела

Подготовка шествия к царю

Между тем, увлечённый забастовочной стихией Гапон активно выступал на собраниях в разных районах города, призывал рабочих принять участие в шествии к царю и разъяснял Петицию, которая была воспринята с воодушевлением.

Очень странное поведение для полицейского агента. Гапон призвал также и социал-демократов к шествию к Зимнему дворцу, правда, прося при этом не вносить в движение ничего революционного, наподобие красных флагов и антиправительственных лозунгов. Он уверял, что царь примет депутацию. Однако большевики дальновидно разошлись с ним в оценке ситуации, считая, что «все требования Петиции означают низвержение самодержавия и что добровольно царь не откажется от власти. Свобода покупается кровью, завоёвывается с оружием в руках...»

Воззвание к царю содержало в себе мольбу и программу, оно звучало как гимн и вызвало сильный эмоциональный отклик у рабочих.

Петиция (извлечения)

«Государь! Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга, разных сословий, наши жёны и дети, беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают всё дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению...»

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не многого просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, - нам отказали в праве говорить о наших нуждах, что такого права за нами не признает закон...

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба - преступление, а наше желание улучшить наше положение - дерзость, оскорбительная для них...

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку...

Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выразить свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь?... Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, Государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения...

Петиция давала резкую и точную оценку ситуации в России и содержала ряд программных требований социально-экономического характера, весьма прогрессивных и опережающих время: меры против невежества, бесправия и нищеты русского народа, а также меры против гнёта капитала над трудом, в том числе, 8-часовой рабочей день и свободу профессиональных союзов.

... Повели и поклонись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твоё запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, - мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу...»

К несчастью, сбылось последнее.

Кровавое воскресенье

Утро 9 января выдалось пасмурным и морозным. Но это не остановило народ. Многие рабочие шли семьями, с детьми и стариками. Все были празднично одеты. Шли к царю как к отцу с доверием и надеждой... Но Николай II не принял Петицию, в тот день он вообще уехал из города, а царские войска открыли по людям огонь.

Были убиты и ранены сотни человек. Вера в царя рухнула окончательно, и 9 января стало началом Первой русской революции.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

В.Коссака «Кровавое воскресенье»